

Дальше был ужас

серия "Чужебесие"

18+

Арина Полядова

Арина Полядова
Дальше был ужас
Серия «Чужебесие», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34457625

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-12126-3

Аннотация

Маникюрша Кира пригласила свою соседку Алесю в церковь библейских христиан. Проповедник Лиза решила сделать новой прихожанке приятное и подарила Алесе участие в семинаре внутреннего духовного исцеления, куда пускают только своих. Алеся приехала в закрытый частный пансионат, а дальше... Дальше был ужас. Наступило одиннадцать часов, но пытки не закончились.

Содержание

Предыстория	4
День первый. Как в страшном сне	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Арина Полядова

Дальше был ужас

Предыстория

Кира, маникюрша, изредка посещала *церковь библейских христиан*, которую на её исторической родине, в Англии, сторонники называли *обществом святых*, а противники – *библейской молью*.

Ныне же church¹ пустовала, туда приходили, да и то из-под палки, родственники *пастора* и *проповедника*². Любители иностранщины предпочитали весёлую харизматию³, где все прыгали под барабаны и бас-гитары, а здесь... Рухлядь какая-то. Старый пастор в чёрной мантии и красной епитрахили, как у ненавистного, отставшего от прогресса, православного попа! Карьеру не сделать, никто тебя, если ты русский, в далёкую азиатскую страну, где головной офис church,

¹ Church – «церковь» по-английски.

² Пастор и проповедник – главный сан в описываемой церкви, как в православной – священник и дьякон.

³ Харизматия, харизматическое движение, харизматическое обновление – религиозное направление, разновидность пятидесятничества, последователи которого, *харизматы*, считают, что на них «сходит Святой Дух», заставляя корчиться, падать в обмороки, истерически смеяться. Очень модное во всём современном мире течение.

на халяву не отправит! Тогда зачем ходить?!!

Кира тоже редко бывала в церкви, она работала на Рублёвке.

– Нет ли в вашем доме какой-нибудь одинокой бабушки? – каждый раз застенчиво спрашивала проповедник Лиза, очень хорошая, добрая женщина.

И Кира привела Алесю, свою соседку тридцати девяти лет, а сама вскоре улетела к мужу на другой конец земли, где тот на азиатском заводе зарабатывал на ипотеку.

Алеся ходила крайне редко, по большим библейским праздникам, но щедро одаривала church своим фирменным вареньем из райских яблочек.

И проповедница Лиза, дабы не потерять прихожанку, решила сделать Алесе царский подарок: взять с собой на *семинар внутреннего духовного исцеления*, проводимый раз в год. Из-за питания и проживания семинар был платным, но за Алесю членский взнос в три тысячи внесла церковь.

День первый. Как в страшном сне

Чем Бог послал, а чёрт, а чёрт подсунул им.

Юрий Шевчук, «Правда на правду».

Во вторник с утра Алеся стала собираться в дорогу. В начале девятого заиграл мобильный:

– Алесенька, доброе утро, – прошебетал милый женский голос. – Алесенька, ты не могла бы прийти сегодня пораньше, не к десяти, а к полдесятого? Звонил Миша: дорога тяжёлая.

До белого особнячка церкви *библейских христиан* Алесе было далековато: выйти из своего микрорайона, и одолеть весь частный сектор. Зимой кромку у коттеджей заваливало снегом, и идти приходилось, всё время уступая место машинам. А в тупике – вечное болото.

Раньше к *библейским христианам* можно было попасть с улицы, но *другая церковь*, харизматическая, десять лет арендовавшая здесь помещение, потеряла единственные ключи от ворот, а также оставила неубранным стог сена со свадьбы. Удобные «врата» вели к деревянному домику, обветшавшему до положения сарая, а неудобные – к парадному входу. И сейчас они стояли нараспашку.

Проповедница Лиза в коричневой шубке, при изготовлении которой ни одно животное не пострадало, обняла Алесю и поцеловала.

– Замёрзла? – ласково спросила она. – Давай, пока Миша не приехал, помолимся за дорогу...

Алесю обняла Зуля, «беженка» из Узбекистана, «узница совести»:

– Леся, вы целых три дня проведёте с Богом! Там ни о чём не нужно будет заботиться! Вы взяли с собой какие-нибудь удобные кроссовки?

– Да, я отпросилась с двух работ и бросила больного ребёнка! – похвасталась Алеся. – Я же работаю в М. гостиничным администратором, и у меня в подчинении четыре человека!

– Ваш ребёнок уже сейчас исцелён кровью Иисуса Христа! Кровь Иисуса Христа очищает, покрывает, защищает! Я бы и сама поехала, но у меня девочки... Тётя Лиза за вас денежки отдаст...

– Ой, а почему вы мне сразу про деньги не сказали? Сколько нужно?

– Успокойся, сестра, за всё *отвечает церковь!* Нам важно, чтобы наши прихожане *возрастали духовно!*

...Женщины встали под навес соседнего коттеджа и стали ждать Мишу, пресвитера церкви. Вскоре он приехал на серебристой «Тойоте», создатели которой угнетали его народ. Они загрузили вещи в багажник и помчались на другой конец Московской области.

В Мякиanine забрали *сестру* Ларису, сватью Лизы. Они были на «вы» и обращались друг к другу «сватья». Их ро-

дители ещё говорили на своём языке, а они – нет. Но чины знали и соблюдали.

– Сколько сейчас машин, пробки! – сокрушалась проповедник Лиза. – Помню, как в 1979 году я решила учиться вождению. Сказала об этом мужу, а он стал на меня орать. «Так я уже сто рублей за курсы заплатила...» «Так ты ещё и деньги заплатила?!» Но вскоре его посадили в тюрьму за аварию на два года, и, ох, как же меня эта машина выручала на полях, где мы выращивали лук! Помню, как мы с дочками приехали к нему в колонию-поселение. Я местности не знала и просто сказала таксисту: «Нам – в зону». – «С детьми?!» А Аля как-то звонит мне и говорит: «Я приеду за вами на машине». И я очень удивилась, потому что раньше у неё машины не было. А Аля, оказывается, специально тренировалась, чтобы нас с папой отвезти! Весь день по Москве каталась!

– Сейчас всё на электронике, – сказал Миша. – Молодёжь никаких инструментов с собой не возит.

– Некоторые даже запаску с собой не берут! Да, как же так можно! Чтобы мы поехали куда-то без запасного колеса! Зимой, когда мы ездили на день рождения сестры, нас везла одна девушка, подруга Али, и у неё посреди дороги спустилось колесо! И она не знала, что такое запаска! Но потом сообразила: «Да, у меня есть подкатка...» Зато мы не поняли, что это такое. Но у неё не было с собой никакого инструмента. Пришлось нашим мужчинам останавливать проезжающие машины и просить ключик с домкратом...

И вот Новорижское, а точнее, Новорусское шоссе, и сплошные ёлки в снежных пальто! Кусочек Волоколамки, и «Тойота» упёрлась в зелёные автоматические ворота. Алесе отчего-то стало тревожно. Рядом – дорожный знак с переломленной трубой.

– Здесь что, на трубе нельзя играть? – удивилась Алеся.

– Это значит, что здесь нельзя сигналить, – снисходительно объяснила Лиза, «автоледи» с советских времён.

Их «Тойоту» тут же заметили и осведомились по переговорному устройству о цели визита.

– На семинар, – просто объяснил Миша.

Их тут же пропустили.

На территории пансионата «Солнышко», *христианской базе отдыха*, росли берёзки да таёжные тонконогие ёлочки. Миша и женщины прошли в один из корпусов. Им навстречу вышла пожилая пара.

– Алесенька, и ты здесь, как же я рада тебя видеть! – обняла их пожилая дама.

Это были пастор их церкви и его жена.

Здесь Лиза узнала, что их номер в четвёртом корпусе. Пастор с женой жили в шестом, семейном.

Пока Лиза, как директор их миссии в России (пастор был президентом, *суперинтендантом*⁴ и временно исполняющим обязанности главного епископа), улаживала дела, Алеся и Лариса нашли свой номер. Это оказалась крошеч-

⁴ Суперинтендант – чин старшего протестантского пастора.

ная комнатка, отдававшая больницей или зоновским баракком. Здесь всё было зелёное, – стены, занавеска. Друг против друга стояли деревянные двухэтажные кровати с лесенками, и бортиками на верхнем ярусе. Алесе, как самой молодой, определили спать на верхней полке.

– Это – дискриминация по возрасту, – сказала Алеся.

И все засмеялись.

Лиза принесла с собой три голубых комплекта постельного белья.

– Я попросила, чтобы к нам больше никого не подселяли.

– А кормить нас, интересно, сегодня будут? – спросила Лара. – Лично я проголодалась!

– Надо же, у них бельё – крахмаленное! – поразилась Лиза. – Наверное, здесь у них свои «постельничные»! Лично у меня на это сил не хватает. Бельё для наших гостей я просто глажу, но не крахмалю.

– А у мамы в конце восьмидесятых был баллончик с крахмалом! – вспомнила Алеся. – Вроде лака для волос «Прелесть»...

– В Библии тоже есть постельничество! – вспомнила проповедник Лиза. – В книге Деяний, главный служитель при особе Ирода Агриппы Первого, ⁵ответственный за его жизнь и сокровища...

⁵ «Ирод был раздражён на Тирян и Сидонян; они же, согласившись, пришли к нему и, склонив на свою голову Власта, постельника царского, просили мира, потому что область их питалась от области царской» (Деяния 12:20).

Они подъехали аккуратно к обеду. Столовая располагалась в главном корпусе, на втором этаже; лестница с деревянными перилами походила на жёлоб или кишку.

Лара тут же захватила свободный столик у окна, под пальмами и гибискусом, сервированный на семь персон. Их ожидала блестящая, идеально чистая кастрюля из нержавеющей стали, горка суповых и стопка плоских тарелок, и семь сиреневых кружек с компотом. На сверкающем металлическом подносе – мясная запеканка, которую Алеся приняла за аккуратно порезанный мясной пирог, а к ней гарнир, макароны-спиральки в глубокой металлической миске, похожей на дуршлаг.

В сияющей кастрюле оказались щи. Лара, страдавшая всеми возможными желудочными болезнями, взяла на себя роль раздатчицы.

К ним подсели ещё три женщины: крашеная в ржавый цвет пенсионерка, искусственная блондинка с густой длинной чёлкой и в красной клетчатой рубашке, и ещё одна *сестра* с нелепым крошечным пучком на самом темечке.

Познакомились. Пожилую и ржавую, звали Ларисой, «клетчатую рубашку» – Леной, а «пучочек» – Наташей.

– Откуда вы? – спросила Лиза.

– Из Питера! – гордо ответила Лариса. – Мы – *дети Божьи*⁶, и все из одной церкви!

⁶ У каждого «евангельского» направления есть своё гордое неофициальное самоназвание, которые мы используем здесь как эвфемизм.

– А мы – *библейские христиане*, и тоже из одной церкви! – радостно сообщила Лиза, директор *собрания библейских христиан России*⁷. – Но из разных подмосковных городов. С нами наш пресвитер, и пастор с женой. А ваша церковь какого направления, консервативного или либерального⁸?

– Консервативного... – недовольно и неуверенно ответила Наташа.

– Странно... – удивилась Лиза. – Консервативные *дети Божьи* обычно не хотят молиться вместе с христианами других направлений. А какие инструменты у вас в *прославлении*⁹, барабаны и бас-гитара есть?

– У нас всё есть, только на них некому играть! – ответила Лариса.

– В нашей церкви та же беда...

Отобедав и собрав грязную посуду, все спустились в холл. Зал для конференций был тут же, на первом этаже.

Пол отделан серой плиткой, в рекреации под фотообоями

⁷ См. сноску 6.

⁸ В «консервативных протестантских церквях» категорически запрещена рок-музыка и инструменты для неё как «шаманские», вызывающие дьявола, а в «либеральных» это называется «христианский рок».

⁹ Прославление, в прославлении, группа прославления, оно же восхваление – так у харизматов, пресвитериан и методистов называется «клирос», церковное пение, церковный хор, где используются самые разнообразные инструменты, в том числе барабаны, бас-гитара. «Церковный хор» харизматов – это самый настоящий рок-концерт. «Прославление» может идти под одну гитару или синтезатор, и даже а капелла.

с солнечным хвойным лесом – три серых, в тон полу, дивана с думочками, и чёрные столики на тонких ножках. Так было модно в середине 2000-х: журнальный столик перед диваном, желательно стеклянный, только клали на него уже не прессу, а пульты от телевизора и дивиди, и кнопочный сотовый телефон. А у входа в конференц-зал – ещё два цветных панно, и синяя рецепция, на которую кто-то любовно положил оброненные кем-то янтарные чётки.

Здесь махрово цвёл экуменизм, на семинар, приехали все-все-все «христиане», кто лютой ненавистью ненавидит православие.

Верхнюю одежду разместили на трёх вешалках, так напоминающих неохраняемую раздевалку в школе Алеси. В углу – огромный кулер, стилизованный под русский самовар, чёрный кофе в баночке, жёлтый кофе три в одном, английский «Ахмат» с бергамотом, зелёный с жасмином, и разноцветные пакетики «чая» с рыбой, рисом, гречкой из далёкой экзотической страны.

Миссионеры с Дальнего Востока, как и сербы, чай не пьют, только кофе. И всякие грибные и травяные отвары.

Три молодых девчонки в синих фартучках внесли блюда с очень красиво нарезанными красными яблоками, пересыпанными бусинками чёрного винограда. Ответственные за питание попросили не выбрасывать, а аккуратно складывать в специально отведённые места одноразовую посуду, её мало. А когда фрукты разобрали, девушки расставили на тех

же столах белые пластиковые тарелки с разноцветными конфетами, и подчерствевшими, но всё равно очень вкусными, слоёными сердечками.

Лиза, Лариса и Алеся заняли «четвёртую» парту в огромной, ну просто институтской, аудитории. С ними рядом, словно прикреплённые файлы, оказались те женщины из столовой.

Над серыми ступеньками кафедры висел сине-красный плакат:

Семинар внутреннее исцеление.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И ВОЗРОЖДЕНИЕ.

Пылай, Огонь возрождения!

Благословение.

Орфография и пунктуация сохранены.

Зазвонили, как в школе, в колокольчик, и начался семинар. На сцену вышло *прославление*, возглавляемое русскоязычным «азиатским тигром» (он и родился в России, а точнее, ещё в СССР) с гитарой, и исполнило несколько *восхвалений*, уже знакомых Алесе по церкви *библейских христиан*.

Конференцию прилетела вести делегация с другого конца света, из Центра внутреннего исцеления за восемь тысяч километров. Несколько мужчин и женщин. Их представили до того нечётко, что имена невозможно было расслышать, ни то что запомнить. Алесе бросилась в глаза молодая женщина с

волнистыми чёрными волосами, в дорогом голубом свитере с воротником-хомутом, и белом жакете.

– Это..., она готовит сейчас лекцию о *внутриутробном исцелении*, – представил её самый главный миссионер через переводчика в синей рубашке, пастора Дмитрия в очках, тоже нашего соотечественника.

На сцену вышел заезжий миссионер в чёрном, каком-то католическом костюме, взял микрофон и запел на своём родном языке неаполитанскую песню «Как ярко светит после бури солнце».

– Это – наш гимн! – с благоговением прошептала Лиза.

– Гимн?! – и Лариса схватилась за телефон с видеокамерой.

– Да, сватья, помните: «Когда поёт мой дух, Господь к Тебе, как Ты велик, как ты велик...»¹⁰

Певцам и исполнителям здесь тоже хлопали, как в театре.

Женщины, собравшиеся на семинаре, в большинстве своём были вышедшими в тираж: уже отцветшие, старше сорока, без капли «гламура». Вместо причёски у каждой – какой-то «вшивый дом». Прямо перед Алесей сидела девушка в чёрном, с изуродованными постоянной перекраской волосами. Чёрные, уже окрашенные, она окунула в «морозную клюкву», и они теперь казались пластмассовыми, опалёнными огнём. Нечесаная, какая-то слипшаяся пластиковая чёл-

¹⁰ Гимн «Великий Бог». Перевод И. С. Проханова, мелодия шведская. Входит в репертуар многих «евангельских церквей».

ка, и не прочёсанный хвостик с подпалинами.

Слух резал лающий, харкающий агглютативный язык.

Начались *свидетельства исцеления* людей, посетивших прошлые семинары. На сцену вышла бабушка в очках, кудрявая, как чёрная овечка:

– Меня зовут Аня, – представилась она. – Я на этом семинаре уже в четвёртый раз. Всю жизнь я верила в ложь сатаны, что я – лишняя в этом мире. Ещё одна ложь, в которую я поверила, что я – некрасивая. На третьем семинаре я избавилась от ран, принесённых мне моей старшей сестрой. Помню, как ко мне подошла красивая, весёлая девушка и сказала: «Я – дочь пастора в третьем или четвёртом поколении». – «Так что же ты тут делаешь?!» (Потому что я была уверена, что дети *верующих* – самые отверженные люди на земле).

На *молитве исцеления* ко мне подошла служитель, пастор, и дотронулась моих глаз, и это была такая боль, будто к ним прикоснулся раскалённый металл! И я стала *призывать Кровь Иисуса Христа*, и сразу всё прошло, все страхи! Аминь.

– Аминь! – эхом отозвался зал.

Бабушке аплодируют, за неё молятся на двух языках.

Второй выходит *свидетельствовать* блёклая мужиковатая сестра с короткой стрижкой на светлых волосах:

– Меня зовут Марина. Более тридцати лет я не могла простить своих родителей. Я выросла в детдоме. Я ненавидела своих родителей. Я чувствовала себя отверженной. Я держа-

ла в своих руках горсть таблеток. А сейчас я благодарна своей матери, что она сохранила мне жизнь, ведь она могла за просто убить меня, сделав аборт. Аминь.

– Аминь!

Третьей выходит *сестра* с широким блёклым лицом:

– Представьтесь, пожалуйста.

– Меня зовут Мария, я из Москвы. Мне очень помогли эти «уроки исцеления зависимости от обид».

Тридцать лет я прожила в браке с мужем. Но он нашёл себе молодую даму... От переживаний у меня развился сахарный диабет. Врач выписал мне по этому поводу много лекарств. Но я не стала пить эти таблетки и сказала об этом врачу: «Я – христианка, я *могу исцелять рукой!*»

В июне я ездила с нашей группой в Центр внутреннего исцеления. Когда я вернулась, я всё время мерила сахар и кричала: «Иисус, Иисус!» И сахар был у меня 4,7 и 5,1, выше 6 не поднимался. И я пришла к врачу, и она сказала мне, что надо сдать анализы. И я сдала их, и никакого диабета у меня не было! Иисус меня исцелил! Аминь.

– Аминь!

Аплодисменты.

– К сожалению, – сказал через переводчика пастор, почти не похожий на жителя Дальнего Востока, поскольку в их стране вошло в моду заказывать себе у пластических хирургов европейские глаза, – у нас очень мало времени, поэтому мы можем выслушать только одно свидетельство.

И на сцену вышла та самая девушка с не прочёсанными волосами, что сидела перед Алесей. Представительный миссионер пролаял что-то в микрофон.

– Он спрашивает, – перевёл пастор Дмитрий, – «А замуж вы вышли?»

Смех в зале.

– Просто когда я встретил эту сестру, она была не замужем, – объяснил он.

– Меня зовут Жанна, я – служитель церкви, – представилась девушка. – У меня была обида на мою маму. Она родила меня без мужа. К отцу у меня нет претензий. Воспитывала меня бабушка. Мама постоянно меня унижала.

Из-за безотцовщины в отношениях с мужчинами я стремилась доминировать. Я мечтала стать матерью-одиночкой. Но семинар исцелил меня. Там я кричала уже не на маму, а на отца. Я кричала: «Что ж ты нас бросил?!!»

И на сцену пригласили мужа девушки, в джинсах и в спортивной, красной с синим, рубашке. Его звали Ван. Он сидел перед Ларисой, рядом с Жанной. На голове у Вана – причёска под панка, хайер, выкрашенный серебряной краской. Жанна, Ван и самый главный пастор сцепили руки, последний молился на своём «изолированном языке» в микрофон, а русскоговорящий Дмитрий переводил.

– Амын! Аллилуйя!

Начались лекции:

– Храни, Господи, всех служителей. Благослови начало и

продолжение лекций, чтобы мы могли получить исцеление от ран прошлого. Аминь!

Прочли притчу о сеятеле в Евангелии от Марка.

– У каждого человека есть четыре типа земли, – лаял и харкался миссионер. – Первая почва, это обочина дороги, злое сердце. Второй тип – земля каменистая, когда люди обижаются, уходят из церкви. Третья, земля с колючками, это человек, наслаждающийся миром. И четвёртая почва – добрая.

Это – самое полезное в многословной, занудливой проповеди заезжего пастора.

– В моей правой руке – здоровье, в левой – благословенье! Я буду *проводглашать*, а вы будете повторять!

И зал послушно загудел:

– В правой... в левой...

Вот это и называется – НЛП.

– На этом мы хотели бы первую серию закончить! Я люблю вас и благословляю!

– Аминь! – грохнул зал.

В перерыве в рекреацию выставили блюда с золотой хурмой, чёрным виноградом, бананами и томатами. Хурма оказалась исключительно вкусной, и не вязала!

– В церкви вся еда – благословенная, – сказала на это Лиза. – Поэтому всегда вкусная.

Зазвонили к началу занятий, и на сцену снова вышло *прославление*.

Алеся уже освоилась и осмотрелась. Сзади – их пастор с женой, и седой худой мужчина.

– А сейчас мы послушаем людей, получивших исцеление от ран, полученных от отца, – объявил ведущий.

И вышла какая-то женщина, назвавшаяся Надеждой.

– А теперь перейдём к ранам, полученным от матери, – продолжал лаять и харкаться в микрофон через переводчика заезжий пастор. – Под влиянием грозной матери мы становимся грозой для своих детей. Сейчас я – успешный пастор. Больше дел возникло у меня от моей известности.

Сейчас мне пятьдесят три года, и у меня трое детей – двадцати двух, двадцати и девяти лет. А моя мама всё время меня била. Однажды, когда мне было девять лет, я приготовил ей рис и сказал: «Мама, хочешь покушать?» Помню, как я принёс и разложил складной столик. Она принялась было за еду, и отложила ложку: «Я не хочу есть». И тут мама вскочила и ударила меня по лицу четыре раза.

Когда я убирал этот столик, мне хотелось плакать. Разве это жизнь? И если это жизнь, то я хочу умереть. И я сказал: «Мама, я приготовил тебе ужин, за что ты меня избивала?» Есть ли среди вас сыновья, получившие раны от матери? Просим вас поднять руку.

И на сцену вышел красивый молодой человек в джинсах и капюшончике, со светло-русой бородой, который сидел перед Лизой, рядом с Ваном. Он стал рассказывать что-то про свою озлобленную мать-одиночку, и плакал, как баба.

– Нужно, чтобы его мать попросила у него прощения, – заявил в конце «исповеди» пастор. – Для этого нам понадобится женщина сорока-пятидесяти лет.

И его выбор пал на какую-то *сестру*. «Капюшончика» звали Костей, он был из Москвы, из харизматической церкви, основанной и руководимой заезжим американцем.

– Вы будете его матерью и попросите у него прощения за все раны, что принесли ему в детстве. Повторяйте за мной: «Я – Сарра...»

– Я – Сарра, мать всего человечества, – послушно произнесла женщина. – Бог хочет, чтобы я была, как Сарра. Но я была страшной мамой для своего сына.

– Почему вы воспитывали в страхе своего сына?! – вжился в роль карающего судьи пастор. – Почему вы были для него «страшной мамой»?!! Вы только треплетесь о любви! Разве Бог бьёт вас, дитя своё, за ваши грехи?! Повторяйте за мной: «Ты, мой сыночек...»

– «...благословение для этого мира!»

И их заставили обняться. Зал утонул в аплодисментах, некоторые женщины плакали.

– А сейчас всех нас ждёт вкусный ужин! После него продолжим!

На этот раз питерские сели где-то отдельно, и их церковная группа воссоединилась. На левой скамье – Лариса, их пастор с супругой, на правой – пресвитер Миша, Лиза, Алексей и Анатолий, друг пастора. В металлической полусфере –

картошка с мясом, в корзиночке – хлеб, идеально чистый чайник кипятку, и чайные пакетики в маленьком салатнике.

Где-то в середине ужина к ним подошла незнакомая толстая сестра:

– Извините, а у вас ничего не осталось? А то нам на всех не хватает...

И Лиза недовольно отдала ей остатки картошки.

– Ах, там же Маркович! Она меня всегда напрягает!

Дважды в год миссия библейских христиан проводила *семинар семейного служения*. С далёкого полуострова прилетали «учителя» – две пожилые семейные пары, и учили обращаться с мужем, детьми, а также сексу. В последний раз, летом, Лиза пригласила на *конференцию семейного служения братьев и сестёр* из других церквей. Приехала Лариса Петровна Маркович, безобразно толстая, бесформенная женщина, пастор Межцерковного молитвенного центра, ей же и учреждённого. Она надменно болтала без умолку, всем проповедовала правильное питание, – воду через столько-то времени, фрукты – только через полтора часа, а сама заталкивала в себя еду, над которой ещё не молились, и съела всё мясо с Алесиной тарелки! Эта конференция тоже была платной, по полторы тысячи с участника, но Алеся об этом не знала.

– В церкви всё благословенно, всё освящено! – восхищалась между тем Лариса, мало знакомая с импортированной

«духовной» жизнью. – У меня и гастрит, и панкреатит был, а здесь ем всё, что нельзя, и ничего не болит!

– Аминь!

А в рекреации десерт – томаты, огурцы, бананы, конфеты. Звонок, и снова психологические пытки:

– А сейчас выйдете на сцену все те, кто был для своих детей страшной мамой!

И во всю кафедру растянулась шеренга женщин.

– Назовите имена своих детей и попросите у них прощения!

И все женщины очень уж вымученно и театрально плакали и причитали:

– Николай... Дмитрий... прости-и меня-а-а!

– А теперь поднимите руки те, кто хоть раз в жизни ощущал себя никчёмным человеком и думал о суициде. Выйдите, пожалуйста.

И таких набралось две шеренги, и Алеся тоже вышла.

– Пока мы ехали сюда, то видели из окон прекрасные пейзажи, – захаркался пастор. – Но самый прекрасный пейзаж – это мы. Самый прекрасный пейзаж – это вы. Приветствуйте друг друга: «Ты прекрасней, чем любой пейзаж мира!»

И все стали оборачиваться к соседям и говорить: «Ты прекрасней, чем...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.